

Любовь, смерть и речь:
о двух стихотворениях
О. Мандельштама и И. Бродского

Анна А. Кудалина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, annkudalina000@gmail.com*

Аннотация. В статье осуществляется сравнительный анализ стихотворения О. Мандельштама «Мастерица виноватых взоров...» и «То не муза воды набирает в рот...» И. Бродского. Доказывается факт заимствования И. Бродским образности стихотворения О. Мандельштама с ее переозначиванием и намеренным снижением. В центре анализа оказываются такие концепты, как «любовь», «смерть» и «речь», каждый из которых, сохраняя исходные коннотации стихотворения О. Мандельштама, приобретает новое, сниженное за счет использования определенных лексических средств (например, разговорной и грубой лексики) значение. Так, концепт «любви» в стихотворении И. Бродского оказывается иронически сниженным воспоминанием, в котором лирический субъект акцентирует внимание не на объекте своей любви, а на самом себе, в отличие от стихотворения-обращения О. Мандельштама. Концепт «смерти» также преломляется Бродским саркастически, так как его субъект речи говорит уже из небытия, представляя собой «ничего внутри», а концепт «речи», хотя и имеет в обоих стихотворениях скорее негативную семантику, оборачивается у Бродского немотой, свойственной как раз такому лирическому субъекту, который уже перешагнул порог смерти, у которого останавливается лирический субъект стихотворения Мандельштама.

Ключевые слова: О. Мандельштам, И. Бродский, влияние, заимствование

Для цитирования: Кудалина А.А. Любовь, смерть и речь: о двух стихотворениях О. Мандельштама и И. Бродского // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. С. 82–90. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-82-90

Love, death and speech.
About two poems by O. Mandelstam and I. Brodsky

Anna A. Kudalina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

annkudalina000@gmail.com

Abstract. The article provides a comparative analysis of O. Mandelstam's poem "Skillful mistress of guilty glances" and "It is not that the Muse is gathering water in the mouth..." by J. Brodsky. It proves the fact of Brodsky's borrowing the imagery of O. Mandelstam's poem with its over re-denotation and deliberate stylistic degradation. The analysis focuses on such concepts as "love", "death" and "speech", each of which, while retaining the original connotations of Mandelstam's poem, acquires a new, reduced meaning through the use of certain lexical means (for example, colloquial and jargon words). Thus, the concept of "love" in Brodsky's poem turns out to be an ironically reduced memory, in which the lyrical subject focuses attention not on the object of his love, but on himself, unlike in Mandelstam's poem of address. The concept of "death" is also deflected sarcastically by Brodsky, since his subject of speech speaks already from oblivion, representing "nothing inside". The notion of "speech", although it has a rather negative semantics in both poems, turns out to be mute in Brodsky, characteristic of just such a lyrical subject who has already crossed the threshold of death, at which the lyrical subject of Mandelstam's poem stops.

Keywords: O. Mandelstam, J. Brodsky, influence, borrowing

For citation: Kudalina, A.A. (2022), "Love, death and speech. About two poems by O. Mandelstam and I. Brodsky", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 82–90, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-82-90

Гарольд Блум в книге «Страх влияния» среди прочих видов поэтического влияния отмечает следующий, названный заимствованным из Лакана словом «тессера» («вещь, по которой узнавали посвященных» [Блум 1998, с. 18]), характеризуя его как такой, при котором поэт, используя образность стихотворения предшественника, дополняет ее, опровергая:

Прочтением родительского стихотворения поэт антитетически дополняет своего предшественника, стремясь сохранить его термины, но переосмыслить их, как если бы его предшественнику не удалось пойти достаточно далеко [Блум 1998, с. 18].

Причиной такого кардинального изменения оказывается и особое отношение к фигуре поэта-предшественника:

Под редуktivностью я имею в виду такую разновидность недонесения, т. е. радикально неверного истолкования, когда предшественник считается сверхидеалистом [Блум 1998, с. 60].

Об исключительной важности поэтики Мандельштама для поэтики Бродского, а также о некоторых сходных (при всем очевидном различии) чертах писал, например, в статье «Бродский о Мандельштаме» Т. Венцлова, отмечая особый исследовательский интерес к «совпадению поэтических тезаурусов» и сходный опыт, схожие категории образов, используемые в стихотворениях [Венцлова 2012, с. 223]. А. Ранчин в предисловии к сборнику статей «“На пиру Мнемозины”: интертексты Иосифа Бродского» подчеркивает, что тема Мандельштам – Бродский вызывает большой исследовательский интерес и является отдельной темой для рассмотрения [Ранчин 2001, с. 8].

В нашей статье мы бы хотели остановиться на одном случае подобного, описанного Г. Блумом влияния поэтики Мандельштама на поэтику Бродского, причем основой для подобного переозначивания образности первого представляется обоснованным такой особенностью поэтики Бродского, как сопоставление и сближение плана высокого (античные и общекультурные образы, чувственная утонченность лирического субъекта) и сниженного (разговорная и иногда даже грубая лексика, натуралистичная образность, как, например, в финальной строфе одной из частей цикла «Камерная музыка»:

Колочей проволоки лира / Маячит позади сортира... / Болото всасывает склон, / А часовой на фоне неба / Вполне напоминает Феба. / Куда забрел ты, Апполон?..¹).

Речь пойдет о стихотворении «Мастерица виноватых взоров...» (1934) О. Мандельштама и «То не Муза воды набирает в рот...» (1980) И. Бродского.

В обоих случаях речь лирического субъекта обращена к возлюбленной (имеется и посвящение – неизменное «М.Б.» у Бродского и посвящение М.С. Петровых у Мандельштама, что отмечает М.Л. Гаспаров в комментариях². Имя Марии появляется и в самой

¹ *Бродский И.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 2 / Вступ. статья, сост., подгот. текста, примеч. Л. Лосева. СПб.: Лениздат, 2017. С. 298.

² *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.; Харьков: АСТ: Фолио, 2001. С. 660.

речи лирического субъекта: «Ты, Мария, гибнушим подмога»³) – отделенной от субъекта речи и находящейся как бы по другую сторону его реальности. Примечательно и количество обращений в стихотворении Мандельштама, а также их эмоциональная окрашенность: «мастерица виноватых взоров»⁴, «маленьких держательница плеч»⁵, «турчанка дорогая»⁶ и «Мария»⁷, в то время как лирический субъект Бродского, как бы оспаривая важность Другого, обращается лишь однажды («дружок»⁸) – свысока и пренебрежительно, никак не характеризуя ту, к кому это обращение направлено.

Ситуацию, изображенную в стихотворении Мандельштама, можно было бы передать следующим образом: находясь «у твердого порога»⁹ (на пороге смерти, как указывает М.Л. Гаспаров в комментариях¹⁰), герой обращается к возлюбленной, в чьей воле «оставить» его, избавиться от необходимости этот порог перешагнуть:

Ты, Мария, гибнушим подмога / надо смерть предупредить – уснуть / я стою у твердого порога/уйди, уйди, еще побудь¹¹.

Причем важным оказывается то, что обращение развертывается в настоящем времени – присутствие объекта его любви передается посредством, например, следующего образа:

Маком бровки мечен путь опасный / что же мне как янычару люб / этот крошечный летуче-красный / этот жалкий полумесяц губ?¹²

Визуальная часть образности воспроизводит эффект присутствия – лирический субъект будто бы находится перед той, к кому обращается.

В стихотворении Бродского же прошлое перерастает в разговор о нем из настоящего времени, между которыми лежит большая – в первую очередь временная – дистанция: «Да, видать не судьба и года не те / И уже седина стыдно молвить, где»¹³. Лирический

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 206.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 207.

⁷ Там же.

⁸ *Бродский И.* Указ. соч. Т. 1. С. 483.

⁹ *Мандельштам О.* Указ. соч. С. 207.

¹⁰ Там же. С. 660.

¹¹ Там же. С. 207.

¹² Там же.

¹³ *Бродский И.* Указ. соч. Т. 1. С. 483.

субъект, утратив (оставив где-то в пространстве прошлого) возлюбленную, которая живет сейчас другой, отличной от его, жизнью («Горячей ли тебе под сукном шести/одеял в том садке...»¹⁴), оказывается на пороге смерти, перешагнуть который, однако, можно только после активного действия его возлюбленной:

Навсегда расстанемся с тобой, дружок, / Нарисуй на бумаге простой кружок / Это буду я – ничего внутри / Посмотри на него и потом сотри¹⁵.

Этим и оканчивается стихотворение – просьба лирического субъекта оказывается удовлетворена. Важно, что и здесь, внутри обращения к другому, сохраняется и даже усиливается почти авторитарная замкнутость героя на себе. Последняя его просьба как раз о том, чтобы вернуть себе собственный образ: «Это буду я – ничего внутри»¹⁶ и только потом уже исчезнуть окончательно (насколько исчезновение пустоты вообще возможно).

Обращение в двух стихотворениях не остается безответным. Лирический субъект стихотворения Мандельштама волей возлюбленной выходит из этой коллизии, остается в пространстве жизни: «Уходи, уйди, еще побудь»¹⁷. Лирический субъект Бродского все же получает, несмотря на пространственный и временной разрыв, отклик, после которого его речь заканчивается – он исчезает. Просьба: «Посмотри на него и потом сотри»¹⁸ оказывается удовлетворена, это позволяет нам утверждать, что монологичность (особенно сопряженная с некоторой авторитарностью точки зрения – практически неизбежной, впрочем, в поэтическом тексте) оказывается преодолена, а речи здесь противопоставляется действие.

Интересно рассмотреть в этом же контексте готовность (или не-готовность) лирического субъекта действовать. У О. Мандельштама герой дает обещания (обещание само по себе – перформатив¹⁹, слово-действие): «Я с тобой в глухой мешок зашьюсь... за тебя кривой воды напьюсь»²⁰. У Бродского постулируемая субъектом невозможность действия («Но, видать, не судьба и года

¹⁴ Бродский И. Указ. соч. Т. 1. С. 483.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Мандельштам О. Указ. соч. С. 207.

¹⁸ Бродский И. Указ. соч. Т. 1. С. 483.

¹⁹ Мы имеем в виду понятие перформатива, составляющего часть классификации внутри «Теории речевых актов» Сёрля.

²⁰ Бродский И. Указ. соч. Т. 1. С. 483.

не те»²¹) противопоставляется общему прошлому лирического героя и возлюбленной, в котором он в почти куртуазной парадигме выражает готовность совершать бессмысленные и даже смешные действия, с целью доказать силу своего чувства: «Я бы заячьи уши пришел к лицу / Наглотался б в лесах за тебя свинцу / Но и в черном пруду из дурных коряг / Я бы всплыл пред тобой, как не смог 'Варяг'»²². Вызванная любовным чувством готовность «пойти на все» ради возлюбленной переосмыслиется лирическим субъектом в настоящем времени намеренно-издевательским способом для того, чтобы подчеркнуть нелепость и возможную переоцененность своего чувства в прошлом.

В обоих стихотворениях мир пребывает в хаосе растожедствившихся предметов и их отдельных частей, что объясняется кризисным состоянием самого субъекта речи, его переходным между жизнью и смертью положением. «Детали», на которые распался мир лирического героя Мандельштама, связаны с образом возлюбленной: «виноватые взоры», «маленькие плечи», «ребрышки худые», «мак бровки», «полумесяц губ» – вот все, посредством чего мы можем воспринять ее образ. Лирический субъект, выхватывающий значимые для него детали, приглашает и реципиента к восприятию именно визуальных образов в их хаотичной кумуляции, и это еще раз подчеркивает, что герой находится в точке бифуркации. У Бродского эта раздробленность усиливает общий фон отчаянья, так что образы передаются в саркастической тональности, выступают как бы еще одним способом для субъекта подчеркнуть невозможность осуществления любви, невозможность актуализации прошлого: «голубой платок», «паровой каток», «яйцо, растекающееся по сковороде», «заячьи уши», «дурные коряги», «седина», «длинные жилы», «мертвые кусты» – примечательно, что почти все эти образы пытаются воссоздать образ самого субъекта речи, вместо того, чтобы наделять конкретными чертами образ девушки. Предметом внимания и рефлексии здесь, таким образом, оказывается не объект любви, а сам лирический герой, констатирующий произошедшие в нем перемены. Любовь же становится лишь поводом к развертыванию этих воспоминаний: «Махнувшая вслед голубым платком / Наезжает на грудь паровым катком»²³. Как нам представляется, вот этот момент крайне важен в контексте поэтики обоих авторов: лирический герой стихотворений Мандельштама чаще всего

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

обращен к другому («Мы с тобой на кухне посидим»²⁴, «Вернись ко мне скорее, мне страшно без тебя»²⁵ и т. д.), в то время как у Бродского Другой – скорее «безумное зеркало», в котором повторяются его же, героя, черты («Я был только тем, чего ты касалась ладонью»²⁶, «В темноте, всем телом, твои черты, как безумное зеркало, повторяем»²⁷). Примечательным оказывается также и отрывок из «Римских элегий»:

Лесбия, Юлия, Цинтия, Ливия, Микелина / Бюст, причинное место, бедра, колечки ворса / Обожженная небом, мягкая в пальцах глина / Плоть, принявшая вечность, как анонимность торса / Вы источник бессмертия, знавшие вас нагими / Сами стали Катуллом, статуями, Траяном, Августом и другими²⁸ –

женщина зачастую предстает в поэзии Бродского формирующим мужчину началом. Таким образом, выбор деталей, составляющих часть изображаемого лирическим субъектом мира, оказывается одним из основополагающих различий этих двух высказываний и самим способом смены тональности.

Последним и центральным, если угодно, образом оказывается традиционный для многих поэтов образ речи, который связан в этих двух стихотворениях через оппозицию речь/немота с образом воды и рыб, в воде живущих. Так, у Мандельштама: «Не звучит утопленница речь»²⁹, «Ходят рыбы, рдея плавниками / Раздувая жабры – на, возьми / Их, бесшумно окающих ртами / Полухлебом плоти накорми»³⁰, «Твои речи темные глотая / За тебя кривой воды напьюсь»³¹. Таким образом, так же как в данном случае речь субъекта прерывается молчанием (он остается жить, но прекращает говорить), так и сама идея речи оказывается в стихотворении вовлеченной в оппозицию речь – немота, и в традиционное уже для культуры сочетание речь – вода (речь течет и т. п.). Сочетание это раскрывается введением образа рыб (как некоторое логичное продолжение), которые еще раз подчеркивают отсутствие возможности высказывания (продолжая первый

²⁴ Мандельштам О. Указ. соч. С. 167.

²⁵ Там же. С. 84.

²⁶ Бродский И. Указ. соч. Т. 1. С. 484.

²⁷ Там же. С. 419.

²⁸ Там же. С. 86.

²⁹ Мандельштам О. Указ. соч. С. 206.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 207.

образ: «не звучит утопленница-речь»³²). У Бродского немота (понятие сужается именно до немоты поэтической) заявлена в самой первой строке, являющейся и названием: «То не Муза воды набирает в рот»³³ (сразу же вводится закрепившаяся уже и во фразеологизме связь воды и речи) и продолжает развиваться далее: «И не встать ни раком, ни так словам»³⁴, приводя наконец к одному из центральных образов стихотворения: «Точно рыба воздух сырой губой / Я хватал то, что было тогда тобой»³⁵ (здесь наиболее характерно обнаруживается связь с образной структурой стихотворения Мандельштама: «Ходят рыбы, рдея плавниками, раздувая жабры: / На, возьми»³⁶). Именно он связывает между собой два стихотворения и является наиболее показательным для того, чтобы продемонстрировать это переозначивание: лирический субъект стихотворения Мандельштама выбирает этот образ как способ еще раз подчеркнуть свою нежность к возлюбленной, Бродский же снижает этот образ, подчеркивая его таким глаголом, как, например, «хватал».

Подводя итог, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, что лирическая ситуация обращения к возлюбленной с преодолением дистанции, пространственной или временной, заимствованная Бродским, оказывается полностью измененной, как на уровне деталей и отдельных образов, так и в целом – его лирический субъект вступает в дискурсивное противостояние с самим способом говорения о любви и о прошлом, предложенным Мандельштамом, что вполне соотносится с тем, что Г. Блум называет предшественика при данном типе поэтического влияния «сверхидеалистом». Итак, способ говорения о любви, представленный в стихотворении Мандельштама, становится у Бродского способом говорить о любви, утратившей уже в прошлом свое значение, превратившейся в не-любовь.

Литература

Блум 1998 – Блум Х. Страх влияния. Карта перечитывания: пер. с англ. / Пер., сост., примеч., послесл. С.А. Никитина. Екатеринбург: Изд-во Уральск. унта, 1998.

³² Там же. С. 206.

³³ Бродский И. Указ соч. Т. 1. С. 483.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Мандельштам О. Указ. соч. С. 206.

- Венцлова 2012 – *Венцлова Т.* Бродский о Мандельштаме // *Собеседники на пиру: литературоведческие работы*. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 223–235.
- Ранчин 2001 – *Ранчин А.М.* «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 462 с.

References

- Bloom, H. (1998), *Strakh vliyaniya. Karta perechityvaniya* [The anxiety of influence. The map of rereading], Izd-vo Ural'skogo un-ta, Yekaterinburg, Russia.
- Ranchin, A. (2001), *Na piru Mnemosiny: Interteksty Brodskogo* ["At the Feast of Mnemosyne": J. Brodsky's intertexts], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Ventslova, T. (2012), "Brodsky about Mandelstam", *Sobesedniki na piru: literaturovedcheskie raboty* [Conversation partners at the Feast. Literary Works], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, pp. 223–235.

Информация об авторе

Анна А. Кудалина, бакалавр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; annkudalina000@gmail.com

Information about the author

Anna A. Kudalina, student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; annkudalina000@gmail.com